

Топос философии*

Е. А. Шенцева

Новосибирский государственный технический университет,
Российская Федерация, 630073, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20

Для цитирования: Шенцева Е. А. Топос философии // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 1. С. 57–68. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.106>

В настоящей статье топос философии осмысляется в контексте анализа исследовательского интереса к теоретическим возможностям топологического мышления, которое современные авторы связывают с преодолением кризисных явлений в социально-философской мысли. Для топологического дискурса пространственные характеристики бытия не менее значимы, чем временные. Идея протяженности, материальности, практически элиминированная из философии и ставшая вновь актуальной лишь в 70–80-е годы XX в. в сочинениях социологической направленности (прежде всего в рамках акторно-сетевой теории), способствовала в том числе преодолению дихотомии «познающий субъект — пассивная вещь». Топос философии описывается автором, во-первых, исходя из значений, заложенных в аристотелевское понятие топоса, которое предполагает движение, устремленность «к собственному месту». Во-вторых, он анализируется посредством поиска содержательных коннотаций с концепцией производства пространства А. Лefевра и понятием этоса у М. Хайдеггера. В-третьих, топос философии рассматривается через обращение к ключевому для методологии Дж. Ло понятию «хинтерланд» и его идее о топологически множественных объектах. Специальное внимание уделяется автором концепции объекта, имеющего «текущие края», и тому типу пространственности, который определяется через понятие изменчивости. Осуществленная в статье топологическая интерпретация философии позволяет противопоставить классической категориальной паре «место — наполнение места» одновременное взаимообусловленное производство места (пространства) и объектов. В такой интерпретации топос философии предстает как множественный объект (полифоническая структура), существующий в качестве пересечений различных пространств.

Ключевые слова: философия, топос, топос философии, топология, пространство, этос, хинтерланд, топологически множественный объект.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00087 «Социальная сеть: топологическая интерпретация социальной реальности».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Каждое... если ему не препятствовать,
устремляется к своему собственному месту.

Аристотель

Для чего еще философия.

Т. Адорно

...Для того, чтобы изменить жизнь, надо
изменить пространство.

Анри Лефевр

Жесткий и ироничный заголовок статьи Т. Адорно, написанной более полувека назад — «Для чего еще философия», — очень точно передает ситуацию, в которой уже некоторое время находятся философские науки.

И «тот, кто встает на защиту дела, от которого дух времени избавляется как от чего-то устарелого и ненужного, оказывается в самом неблагоприятном положении», и его «аргументация кажется излишне усердной», равно как и попытка «всучить это тем, кто этого никак не желает» [1, с. 14].

Философия всегда была сферой духа, вневременное, над(мета)историческое мыслилось как ее законное, веками не оспариваемое место. Не будучи «злободневной», она и современна, и актуальна; избегая ложного пафоса (ввиду аристократической родословной, которую, как правило, не выставляют напоказ), она органически связана с философской мыслью от ее истоков. А как с позиции пространства, места? Конечно, не совсем внезапно философская мысль, пребывавшая на вершинах духовной проблематики, оказалась перед фактом потери своего, казалось бы, незыблемого места. Возможно, *бездомность* для нее также органична, как и университетская кафедра. Что же в таком случае понимать под местом философии и существует ли оно?

Прежде чем подступиться к столь сложному вопросу, необходимо далее пояснить, *что* в данном тексте будет пониматься под философией, для чего, собственно, так упорно ищется место. Необходимо также указать причины, ввиду которых далее в настоящей статье будет использоваться понятие *топос*, и обосновать обращение к топологической проблематике.

Если принять точку зрения В. В. Савчука, автора объемного труда «Топологическая рефлексия» [2], что «дискурс есть замыкание действительности в знаки», то философия предстает как осмысление разнообразных дискурсов, замыкающих действительность в различных знаковых системах, как предъявляющая себя миру через слово, в форме письменной, устной, а также и мысленной речи. Философия, таким образом, замыкает действительность (философия как познание), но она и размыкает ее (философия как образ жизни).

Тема XXIII философского конгресса в Афинах «Философия как познание и образ жизни» может быть переформулирована в виде вопроса — где есть (или возможно) производство такого *познания* и *образа жизни*, которое интуитивно, бездоказательно, но с достаточной степенью уверенности мы относим к философскому, где есть место философии? Несколько перефразируя мысль французского философа, автора фундаментального исследования «Производство пространства» Анри Лефевра, можно сказать, что искомый ответ требует очень внимательного описания терминов и понятий, входящих в конструкцию *место философии*, тем более что ни первая, ни вторая ее составляющая не является особенно ясной

(у Лefефвра речь идет о словосочетании *производство пространства* [3, с.80]). Однако, будучи в сходной ситуации, мы поступаем иначе и уклоняемся от тематизации вечного вопроса — что такое философия, занимая по отношению к нему чисто артистическую, художественную установку — *как будто* (в терминологии К. С. Станиславского — *если бы* [4]) мы знаем, что такое философия. Разделяя взгляды В. М. Межуева (суммированные в докладе «Философия в публичном пространстве»), для которого вопросы философии, производства философии и т. д. напрямую связываются с бытием человека как субъекта свободы: «...если человек не нуждается в свободе, то и философия ему ни к чему» [5], добавим: тем более вопрос о ее месте становится избыточным.

Итак, вопрос звучит следующим образом — что есть *место* философии? Необходимо, однако, определиться с тем, что есть место и почему происходит дрейф к понятию *топос*?

В самом общем смысле *место* — это либо положение какого-либо объекта, которое он занимает в пространстве среди других объектов, либо некий статус. Несмотря на то что *место* есть перевод греческого слова *топос*, привлекает именно многовековая смысловая нагруженность последнего, ввиду чего и отдается предпочтение понятию *топос*, а не его русскому переводу, который также обладает богатыми коннотациями.

Предупреждая вопрос — почему, говоря о *топосе философии* в подобном ключе, не используется понятие функции философии как более привычное и, по сути, очень близкое по смыслу в данном контексте, — отметим, что принципиально важна именно пространственная «родословная» понятия, что будет раскрываться по ходу дальнейшего изложения.

При этом пространственная составляющая обращает нас, в свою очередь, к идее протяженности, материальности, элиминированной из философии и лишь в 70–80-е годы XX в. ворвавшейся в сочинения социологической направленности под общим весьма броским лозунгом «Возвращение материального» [6].

Здесь необходимо прояснить некоторые вопросы, без ответов на которые весьма проблематично продвигаться к решению основной темы статьи. Акцентируя пространственную составляющую понятия, мы тем самым косвенно указали на интерес к *топологической* проблематике, вместе с тем интерес этот весьма определенный, и это вопрос, на котором мы далее зафиксируем внимание весьма основательно.

Возвращаясь к тональности начала статьи, спросим: задает ли философская мысль в эпоху «концептов» Мерца, как язвительно замечают Ж. Делёз — Ф. Гваттари [7, с. 20–21]¹, тон главных социальных, политических, культурных вопросов?

---

¹ Трудно не вспомнить комментарии французских авторов по поводу использования понятия «концепт», и позволим себе процитировать достаточно объемный фрагмент: «Переживая новые и новые испытания, философия... обречена... встречать себе все более нахальных и все более убогих соперников, какие Платону не примерещились бы даже в самом комическом расположении духа... Наконец, до полного позора дело дошло тогда, когда самим словом “концепт” завладели информатика, маркетинг, дизайн, реклама... В маркетинге усвоили мысль о некотором отношении между концептом и событием; и вот уже концепт выступает как совокупность различных представлений о товаре... Нет событий, кроме презентаций, и нет концептов, кроме товаров, которые можно продать... Симулякр, имитация какого-нибудь пакета с лапшой стала настоящим концептом...» и т. д. и т. п. Примеры можно продолжить... И в продолжение: «Куда уж старухе философии наравне с молодыми специалистами бежать в запуски... дабы охарактеризовать товарную форму концепта МЕРЦА!» [7, с. 20–21].

Тон в смысле интенции, направленности на определенные самой жизнью вопросы и в смысле их этического напряжения, и в смысле приоритетов исследовательской значимости. Поднимает ли их на уровень общих тем, объединяющих все значимые и значительные сферы жизни человека и мира? Проникает ли в поры научного, мыслительного, интеллектуального пространства?

Или... не задает, не определяет, не объединяет, не поднимает? Уходит, ускользает сама от себя, признается в собственном бессилии, усталости, тем самым лишая мир мощного объединяющего начала.

Как преодоление, недопущение этого сценария можно рассмотреть топологический поворот в современной социально-философской мысли.

Причин интереса современных исследователей к топологии в целом немало, отметим лишь две: это прежде всего возвращение пространства, того, что традиционно имело статус протяженного как атрибута вещи, в сферу социальной рефлексии, т. е. так называемый *поворот к материальному*; во-вторых, это попытка уйти от дихотомии *активного субъекта — пассивного объекта*.

Несмотря на то что исследователи усматривают зарождение топологической темы в гуманитарных науках значительно ранее (например, у таких авторов, как Г. Зиммель, Г. Тард, М. Фуко), подчеркнем роль разработчиков акторно-сетевой теории (АСТ) как систематического и теоретически оформленного интереса к обозначенной теме (Б. Латур, М. Каллон). Применительно же к теме настоящей статьи особое внимание будут иметь работы Джона Ло, к которым мы обратимся в свое время. Безусловно, философское предчувствие *темы топоса* мы обнаруживаем и у М. Хайдеггера (в том числе в его интерпретации античного предания о Гераклите [8]).

Может ли *поворот к материальному* послужить неким эффектом «крыла бабочки» для нового поворота философской мысли, пробудить ее и раскрыть дремлющие возможности? Может ли *возвращение материального*, послужившего (не только, но и) основой интереса к методологическим возможностям топологии в гуманитарных науках, быть интересным для понимания *места философии*? Пока ясности с этим вопросом нет, несомненно, однако, то, что возникает необходимость разработки понятийного аппарата, инструментария, и, безусловно, одним из ключевых мыслится понятие *топос*.

Надо отметить, что для философии традиционно использование понятия *топика* (как совокупность топосов), под которой имеется в виду техника «пространственной организации мышления и понимания, а также организованное на ее основе мыслительное пространство» [9, с. 720].

Налицо гносеологические, эпистемологические акценты; даже когда речь идет о том, что «топика есть прежде всего организация самого пространства в котором становятся возможными методологические мышление и понимание» [9, с. 720], понятно, физическое (евклидово) пространство элиминировано из данного определения (что для топологической интерпретации, напротив, будет неперенным атрибутом).

Если в первом случае «общим категориальным средством, регулирующим работу с топикой, является категориальная пара «место — наполнение места» [9, с. 720], то топологическое видение оппонирует этому представлению и настаивает на одновременном, друг друга обуславливающем, производстве места (пространства) и объектов. Однако мы несколько забегаем вперед.

Очевидно, что *топос* представляет собой чрезвычайно объемное понятие. Более того, какой бы его аспект ни рассматривался в качестве основного, другие, в том числе невербализируемые, более или менее явно присутствуют в нем. С одной стороны, есть риск размытости, неточности и т. д., с другой (при искусной его проработке и, соответственно, применении) — возможность передать именно многомерность, многогранность, которая более точно определяется словом «полифония». *Полифония* — музыкальный жанр, весьма сложный для понимания, восприятия, так как именно переплетение всех голосов, мелодических линий, их взаимонеобходимость и взаимозаменяемость и порождают глубочайшую смысловую канву (в другой терминологии, многоуровневую сетевую структуру), на которой каждый создает, *прорисовывает* свой смысл, вкуче с необходимостью удерживать в памяти немалый объем концентрированной информации. Интересно отметить, что, как правило, понятие *топос* рассматривается в более или менее строгой иерархии с понятием *локус* (хотя это перевод с латыни греческого слова) или же с понятием *пространства*. Отдельной и интереснейшей темой могла бы стать категориальная схема *топос* — *хаос* (упоминание о хаосе мы находим у Аристотеля [10]). Однако это чрезмерно усложнит непростую задачу и уведет слишком далеко от основной темы.

Надо сказать, что не для нас одних «немало трудностей заключает в себе вопрос, что такое место»... и обуревают сомнения — стоит ли «задавать вопросы не только о том, что такое место, но и существует ли оно вообще». Убедившись, однако, в его существовании, поскольку «перемещения простых физических тел, например огня, земли и подобных им, показывают не только, что место есть нечто, но ... каждое», обратим особое внимание на последующую часть высказывания Аристотеля, «если ему не препятствовать, устремляется к своему собственному месту» [10]. Пока лишь зафиксируем — осмысление пространственной категории происходит через термины, связанные с движением, речь идет о перемещении, более того, об устремленности.

В «Физике» понятием *топос* обозначаются и *пространство* («общее, в котором находятся все тела»), и *место* как «особое» [10]; в «Риторике» же топосы — это определенные речевые нормы и правила аргументации [11, с. 97–98].

Налицо *двойственность* трактовки, на которую исследователи, как правило, обращают внимание и которая в дальнейшем не только положила начало разным направлениям использования термина, но и внесла много неясностей. Мы же отметим *неслучайность* аристотелевского видения — глубинная связь места в его физическом плане и правил (норм) мышления, производства речи, т. е. бытия человека — это как раз то, что было схвачено в своем единстве греческой мыслью и лишь позднее «разобрано» по разным наукам. Аргументом в пользу изложенного может выступать собственно отсутствие каких-либо пояснений Аристотеля на этот счет. Чрезвычайно интересно в аристотелевском толковании и то, что топос определяется относительно бесконечного, а со ссылкой на Гесиода — относительно хаоса [10], однако эта линия выносится за рамки данного текста по указанным выше причинам.

Что же касается двойственности трактовки, то точнее вести речь о *тройственности* (именно это представляется важным и значимым для дальнейшей разработки основной темы статьи) совершенно очевидно, что Аристотель закладывает характеристику движения в дескрипцию топоса, который изначально определяется

через «перемещение», и это не просто какое-то вялое, аморфное движение, но (подчеркнем!) устремленность «к собственному месту».

Аристотелевская трактовка стала истоком, породившим дальнейшее развитие разнообразнейших учений о топосе; наша же задача далее состоит в том, чтобы рассмотреть понятие *топос* сквозь призму понятий, которые предварительная интуиция полагает и родственными, и более или менее близкими по значению, и способными раскрыть искомый смысл. Таковыми будут *пространство*, *этнос* и *хинтерланд* (hinterland). И если к первым двум мы обратимся очень кратко, отметив лишь принципиальные акценты, то на последнем остановимся с достаточной степенью подробности.

Итак, Аристотель рассматривал топос через бесконечность и хаос, проводя дефиницию, вместе с тем, между топосом как *общим* и как *особым*; некоторые авторы (например, в литературоведении) склонны к соотнесению понятий *топос* — *локус*, где локус есть частное по отношению к топосу; нам же представляется более убедительным определить топос как частное по отношению к понятию пространства.

Несколько слов о концепции *производства пространства* Лефевра, аргументирующих в том числе неслучайность обращения именно к этому автору. Французский социолог предлагает подход, позволяющий преодолеть дихотомическое видение пространства, и рассматривает его в трех планах, аргументируя, в частности, тем, что «двучленное отношение сводится к оппозиции, контрасту, противоречию» [3, с. 53]; «философия положила много труда, продолжает автор, чтобы преодолеть двучленные отношения — субъекта и объекта, *res cogitans* и *res extensa* у Декарта» [3, с. 53] — эта мысль очень важна, в том числе ввиду причин топологического поворота, о которых говорилось выше.

Лефевр уходит от диады, в рамках которой мыслилось пространство, и это принципиально важно для нашего понимания структуры топоса. Автор выстраивает триаду *пространственная практика — репрезентация пространства — пространство репрезентации* [3, с. 47, 51–53]. Социальное пространство предстает во всей своей множественности, сопоставимой скорее с множественностью «слойки» (пирожного, именуемого «наполеон»), «чем с гомогенно-изотропным (евклидово-декартовским) пространством в классической математике» [3, с. 97]. Важнейшее и методологически значимое положение работы Лефевра исходит из его ключевой идеи — идеи производства пространства: «Изменить жизнь», «изменить общество» — все эти слова бессмысленны, убежден автор, если нет производства соответствующего пространства [3, с. 72]. К этой мысли мы еще не раз обратимся.

Итак, главное применительно к теме статьи и с учетом понимания топоса как частного по отношению к пространству — во-первых, преодоление дихотомии в трактовке пространства («триада Лефевра»), во-вторых, идея производимости пространства, т. е., в числе прочего, некоего сознательно направленного усилия.

Топосы делают, создают пространство. Пространство есть некая мегаструктура, топос — более локальная структура; все топосы переплетены, перепутаны и лишь в определенных ситуациях как бы собираются, более или менее четко очерчивают свои границы. В итоге всё во всём. Так и есть. И лишь ясный (или воспаленный!) ум философа «собирает» топосы, и лишь в таком случае они имеют грани, границы, некие невидимые обыденному взгляду отличия и более или менее определенные характеристики.

Согласно известному выражению, «философия — дисциплина, состоящая в *творчестве концептов*» [7, с. 13]); данное видение позволяет в том числе сместить акцент на ее процессуальную характеристику.

Нет ли здесь некоторого противоречия: с одной стороны, мы пытаемся вести речь о том, что есть место, топос философии (т.е. с позиции пространственных аспектов), с другой — подчеркивая модальность *процесса, движения* (философии как производства или творчества, дефиниция в данном случае не важна) и т.д., мы начинаем говорить в терминах временных характеристик? Именно это противоречие сообщает особую сложность пониманию структуры топоса.

Однако вспомним *перемещение, устремленность* Аристотеля при описании топоса. Преодоление дихотомии и выстраивание триады при характеристике пространства привлекло нас в теории Лефевра. Настало время обратиться к концепции Ло, посредством которой мы пытаемся разрешить указанное противоречие, но прежде попробуем сформулировать некоторые предварительные выводы.

С определенной степенью условности понятием *топос философии* можно обозначить совокупность тех мест, где случаются *философские события*, где производится *философия*. Как в таком случае соотносятся *производство топоса философии* и *производство самой философии*? Можно ли, производя первое, не производить второго? Ответ очевиден: конечно, нет! Однако именно это зачастую происходит — как подмена, фальсификация, очередной симулякр. Более того, пытаясь производить исключительно первое (т.е., по сути, пустое место), тем самым собственно производство второго, т.е. философии, выталкивается на обочину, уничтожается. Надо сказать, что и на вопрос: можно ли, производя второе (*философию*), не производить первое (*топос*), — ответ также будет отрицательным, поскольку именно и исключительно производство философии способно произвести ее топос. При этом физические характеристики отнюдь не всегда прямо пропорциональны метафизическим, смысловым (хайдеггеровский пример с Гераклитом, согревающимся у печи, так поразившим толпу любопытствующих, и здесь очень уместен). Именно производство *философии* определяет форму бытия ее топоса. (Заметим в скобках, что у Хайдеггера *producere* — *про-из-вести* означает «развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте», осуществить [8].)

Мы создаем топосы, уникальные миры, в том числе за счет *материального*, тех вещей, которые нас окружают, которыми мы себя окружаем. Это не просто вещи, это отражения наших мыслей, способов мышления, способов жить в определенном месте, поступать определенным образом. Именно через понятие топоса обнаруживается подлинная, живая связь материального и духовного. При таком понимании топос сродни этосу в интерпретации Хайдеггера, который греческий *этнос* переводит не как нрав, характер, но шире — как обитель, т.е. целостная и автономная точка бытия (обитания) человека в мире.

Обратимся, наконец, к концепту *хинтерланд* Ло, но прежде — к идее британского ученого о топологически множественных объектах.

Надо заметить, что идея *производимости* пространства пронизывает научное творчество Ло². Будем иметь в виду, что автор не делает прямых ссылок на исследование Лефевра и главная его идея находит у британского ученого весьма

² В свое время Лефевр заметил, что словосочетание «производить пространство» вызывает удивление [3, с. 30]. Ло также отмечает сложность понимания создаваемости пространства, что про-

своеобразное преломление, раскрываясь посредством интерпретации научного метода как не только описывающего реальность, но и создающего ее; в несколько иной фразеологии, но речь также может идти о производстве пространства. Мы же полагаем не только возможным, но и весьма продуктивным использовать данную логику применительно к топосу философии.

Задаваясь вопросом «Что такое объект?», автор, апеллируя к акторно-сетевой теории «в исходной ее форме», дает предельно конкретный ответ: «Объекты являются “производными” некоторых устойчивых множеств или сетей отношений» и утверждает, что «объекты сохраняют свою целостность до тех пор, пока отношения между ними стабильны и неизменны» [12, с. 30]. Утверждает с тем, чтобы позднее парадоксально опровергнуть это «фундаментальное допущение» и, с другой стороны, привести новые аргументы для его подтверждения.

Принципиальное уточнение состоит в том, что «объекты представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях» [12, с. 35]. Ло говорит не только о множестве топологий, каждая из которых указывает на «взаимное производство пространств и объектов» (эту мысль высказал и Лефевр), но и о том, что объекты «не могут быть корректно описаны без должного внимания к их инертотопологическому происхождению» [12, с. 35], тем более, добавим, столь сложные объекты, как топосы. Являясь одним из представителей АСТ, Ло акцентирует внимание на том, что данная теория допускает не один, а множество современных способов производства пространства («способов упорядочивания», или «собирая», в терминологии автора). Эта мысль позднее приобретает отчетливые контуры в разработке ключевого концепта *Hinterland*³, который определяется как «пучок неопределенно далеко распространяющихся... отношений», или, скажем иначе, обширная и весьма запутанная совокупность взаимосвязей, «которые включают утверждения о реальности и сами реалии» [13, с. 97, 331–332].

Данный концепт есть результат позиционирования научного метода (в терминологии автора, *метода* — сборки, которая и есть реализация хинтерланда [13, с. 36]), главный пафос которого сводится именно в множественности возможностей «собирая» (т. е. производства) научного метода вкупе с производимой им реальностью. Таким образом, в одном случае (у Лефевра) речь идет о взаимном производстве объектов и пространств, и эта мысль подхватывается Ло; во втором случае утверждается взаимообусловленность научного метода и реальности.

И если М. Фуко в большей степени интересуется «границами условий возможного» [12, с. 30], при этом сами границы «устанавливаются современной эпистемой» [13, с. 173], то Ло — расширением, более того, производством новых возможностей; он пытается заглянуть за границы возможного, найти неоткрытые континенты и «исследовать затененные, гетеротопичные места... которые лежат за пределами сегодняшних возможностей» [12, с. 31]. Именно поиску новых возможностей, альтернатив (в терминологии Ло «инаковости») посвящены исследования автора; именно это отражает хинтерланд. Собственно сам термин подтверждает намерение Ло рассмотреть тему производства новых возможностей «простран-

---

исходит, в частности, потому, что мы не видим работы по его производству. Пространственность «осела» в вещах [12, с. 36].

³ Данный термин может обозначать внутренние районы, глубокий тыл, место, расположенное далеко от прибрежной границы (полосы), районы, находящиеся в глубине страны, и т. д.

ственно или, вернее, топологически» [12, с. 31]. Автор говорит о различных формах пространственностей⁴, в частности таких, как «регионы, сети и потоки» [12, с. 31].

В первом случае («регионы») понимается место географическое, т.е. место (пространство) в его физическом смысле; во втором — сетевое, т.е. то, которое конституируется отношениями; в третьем — пространство потоков, где условием существования объекта является изменчивость, нестабильность. Заметим, что Ло вводит такие понятия, как *нестабильный объект* [12, с. 37], *ускользающий объект* [13, с. 180–217].

Итак, Ло выделяет особый тип пространственности — пространство потоков. Данный термин позволяет зафиксировать движение, изменчивость, текучесть (вспомним гераклитовскую идею «в одну реку...», равно как и сентенцию относительно того, что «мы не слишком хорошо оснащены, чтобы мыслить движение» (Роберт Купер, цит. по: [13, с. 218])) как главные и непреременные условия и его производства, и его бытия.

«Изменение необходимо для сохранения гомеоморфизма» — это утверждение звучит как парадокс [12, с. 38], который, впрочем, снимается уточнением, суть которого в том, что топология создает пространства посредством *установления правил*, правила же дают ответ на вопрос «Что именно следует считать гомеоморфным объектом?». Число возможных правил (и, соответственно, возможных пространств) не ограничено [12, с. 41].

Джон Ло выдвигает весьма продуктивную гипотезу, которая гласит: «объекты могут быть поняты как пересечения между различными определениями непрерывности формы: евклидовой, сетевой и текучей» [12, с. 41], что дает возможность разрешить сложный вопрос структуры и представить *топос философии как множественный объект, существующий в качестве пересечений различных пространств*.

Топос философии конституируется различными, возможно, плохо совместимыми, на языке Ло, формами *пространственностей*. Почему, однако, «плохо совместимыми»? Ответ кроется в том, что *то*, что на одном уровне может восприниматься как потеря, утрата объекта как такового (утрата целостности, гомеоморфизма), на другом, напротив, может означать импульс для движения и развития.

Уточним в самом общем плане отличие понятий *топос* и *hinterland*, обнаруживших в первом приближении значительное методологическое сходство. Интересно, что в ранней (программной, как представляется) статье Ло данное понятие даже не упоминается, но из нее становится понятным его зарождение; окончательная же кристаллизация осуществлена в более поздней работе. *Хинтерланд* в большей степени акцентирует пересечение двух типов пространственности — материальной и семиотической (ввиду чего концепция Ло иногда называется материально-семиотической), в терминологии статьи Ло — физической (евклидовой) и сетевой. *Топос философии* — пересечение трех типов пространственностей: именно тип изменчивой, текучей пространственности с подвижными (размывающимися и вновь возникающими) границами вкупе, разумеется, с двумя другими и создает то самое место в его особом философском понимании, которое мы именуем топосом.

---

⁴ Предлагая термин «пространственность», а не «пространство» — глобальное понятие концепции Лефевра, Ло, полагаем, тем самым избегает терминологической путаницы.

Французский философ Мишель Серр дает замечательное описание отличия объекта в классической философии (и науке) и в современной: в первом случае это «кристаллический и в целом стабильный объект с четкими гранями», во втором — объект имеет «текущие края», «это система, колеблющаяся в широких пределах, но имеющая собственные границы» (цит. по: [13, с. 244]), и это в полной мере согласуется с представленной интерпретацией топоса философии.

Будем иметь в виду принципиальное замечание Ло: «...отношения, формирующие объект в пространстве потоков, меняются, но не одновременно, а постепенно». В пространстве изменчивости «топологический разрыв» и утрата целостности происходят не только в случае «застывания» объекта, прекращения всякого его изменения, но и в случае слишком масштабных его трансформаций, которые также разрушают гомеоморфизм. Если все демонтируется одновременно, результатом будет потеря непрерывности формы и идентичности объекта [12, с. 38].

Возможно, в итоге появится некий иной, альтернативный объект, но он уже более не будет топосом философии.

***

Топос философии есть то пространство, точка бытия (этнос, обитель), где философия пребывает как познание и как практика. В современной социокультурной ситуации возможно мыслить пребывание *топоса философии* в весьма спорадических формах (узлы и сети, акторы и актанты, точки бытия и обители — в данном случае терминология не имеет принципиального значения). При этом степень рассеянности такова, что говорить о влиянии философии на общество в целом (прежде всего речь идет о политических, социальных ценностях) весьма проблематично. *Топос философии*, во-первых, не может состоять исключительно из дыр, пустот (хотя вопрос относительно того, что занимает место, не занятое сетью отношений, конституирующих объект, представляет исключительный исследовательский интерес), во-вторых, не может растягиваться до бесконечности, наступает некоторая критическая точка утраты целостности. Во временном измерении утрачивается «связь времен», в топологическом — речь идет о необратимых трансформациях.

Принципиальным и вместе с тем достаточно сложным для понимания является то, что (поскольку речь идет о разных пространственностях, т. е. о разных топологических системах) разрывы и катастрофы, обратимые и необратимые трансформации, устойчивость или неустойчивость отношений, понятия центра и периферии и т. д. различны и могут не совпадать (как правило, они и не совпадают в разных системах). Более того, то, что обеспечивает целостность на одном уровне, на другом может восприниматься как угроза разрыва, угроза потери гомеоморфизма.

Стоит избегать преференции той или иной топологической системы, как и, по выражению Ло, «романтизации изменчивости» [12, с. 40], есть некоторый предел растяжения (сопротивления материала), при котором *топос философии* остается сам собой или необратимо разрушается.

Топос философии предстает как весьма сложный объект, который является производным от пересечения как минимум трех типов пространственности, первый из которых представлен объектами материальной природы (одушевленной и неодушевленной, а также «одушевляемой»); второй есть сеть отношений, точнее, переплетение сетевых структур, накладывающихся друг на друга. Отношения выражаются в терминах центра и периферии (или узлов сети и некоторых видов

активности, которые их связывают). Третий — как тип изменчивой, текучей пространственности. Нефиксированность, нестабильность есть условие его бытия. Размывание центра, представляющего собой устойчивое ядро отношений, в том числе институциональных, утрата привычных отношений не ведут к необратимым (катастрофическим трансформациям) изменениям, но, напротив, способствуют сохранению, функционированию и развитию объекта.

Представленная интерпретация вкупе с идеей производства пространства и признанием ключевой роли сетей отношений в производстве объектов позволяет не только по-новому рассмотреть подлинное место философии в обществе, но и предложить действенные пути изменения социального мира.

Каким образом изменчивое и нестабильное может способствовать сохранению топологически множественных объектов — сквозь эту призму можно написать историю философии. Возможно, эта идея преждевременна, однако именно она могла бы стать отправной точкой топологической философии.

Литература

1. Адорно Т. Для чего еще философия // Топос. 2012. № 1. С. 14–26.
2. Савчук В. В. Топологическая рефлексия. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Valerij_Savchuk_Topologicheskaja_refleksija.pdf (дата обращения: 02.02.2016).
3. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
4. Театральная энциклопедия. URL: <http://glossword.info/index.php/term/46-teatral-naya-entsiklopediya,9483-esli-by.xhtml> (дата обращения: 25.12.2016).
5. Межуев В. М. Доклад «Философия в публичном пространстве» 20.03.2012. URL: <http://oralhistory.ru/> (дата обращения: 22.09.2016).
6. Вахитайн В. «Поворот к материальному»: тридцать лет спустя // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 8–16.
7. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социол., 1998. 288 с.
8. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. URL: <http://www.philosophy.ru/library/heidegg/humanism.html> (дата обращения: 13.01.2008).
9. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. 896 с.
10. Аристотель. Физика. URL: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/physic.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 26.02.2017).
11. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. 348 с.
12. Ло Д. Объекты и пространства // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5, № 1. С. 30–42.
13. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.

Статья поступила в редакцию 12 мая 2017 г.;
рекомендована в печать 3 октября 2017 г.

Контактная информация:

Шенцева Елена Анатольевна — канд. филос. наук; metaphysica7@yandex.ru

Topos of philosophy

E. A. Shentseva

Novosibirsk State Technical University,
20, Prospekt K. Marksa, Novosibirsk, 630073, Russian Federation

For citation: Shentseva E. A. Topos of philosophy. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 1, pp. 57–68. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.106>

The article considers the topos of philosophy in the context of the research interest in the theoretical possibilities of topological thinking. For topological discourse, the spatial char-

acteristics of being have no less value than temporal ones. The idea of length, materiality, eliminated from philosophy, becomes relevant only in the 1970s and '80s. through sociological research (primarily in the framework of the actor-network theory). This process contributed to overcoming the dichotomy of a cognizing subject a passive object. Foremost, topos of philosophy are described starting from the values embedded in the Aristotelian concept of topos, which presupposes movement, aspiration "to one's own place." No less important for the author is the analysis of the meaningful connotations of topos of philosophy with A. Lefebvre's concept of space production and M. Heidegger's notion of ethos. Finally, the topos of philosophy is considered through the appeal to the key concept of J. Lo's methodology, namely Hinterland as well as to his idea of topologically multiple objects. Special attention is given to the concept of having "fluid edges" object and to that type of spatiality, which is defined through the concept of variability. The article's topological interpretation of philosophy permits opposing the classical categorical couple place and place filling, the process of simultaneous, mutually conditioned production of space (space) and objects. Interpreted in this way, the topos of philosophy appears as a multiple object (a polyphonic structure) existing as intersections of various spaces.

Keywords: philosophy, topos, topos of philosophy, topology, space, ethos, hinterland, topologically multiple object.

References

1. Adorno T. *Dlia chego eshche filosofia* [For what else is philosophy]. *Topos*, 2012, no. 1, pp. 14–26. (In Russian)
2. Savchuk V.V. *Topologicheskaja refleksija* [Topological Reflection]. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/ValerijSavchuk_Topologicheskaja_refleksija.pdf (accessed: 02.02.2016). (In Russian)
3. Lefebvre H. *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Moscow, Strelka Press, 2015. 432 p. (In Russian)
4. *Teatral'naja entsiklopediia* [Theatre Encyclopedia]. Available at: <http://glossword.info/index.php/term/46-teatral-naya-entsiklopediya,9483-esli-by.xhtml> (accessed: 25.12.2016). (In Russian)
5. Mezhuhev V.M. *Doklad «Filosofia v publicnom prostranstve»* ["Philosophy in Public Space". Report] 20/3/2012. Available at: <http://oralhistory.ru/> (accessed: 22.09.2016). (In Russian)
6. Vakhshstajn V.S. «Povorot k material'nomu»: tridsat' let spustia ["Turn to material: 30 years later"]. *Sotsiologija vlasti*, 2015, vol. 27, no. 1, pp. 8–16. (In Russian)
7. Deleuze G., Guattary F. *Chto takoe filosofia?* [What is Philosophy?]. St. Petersburg, Aleteya Publ., Moscow, Institute of Experimental Sociology Publ., 1998. 288 p. (In Russian)
8. Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme* [Letter on Humanism]. Available at: <http://www.philosophy.ru/library/heideg/humanism.html> (accessed: 13.01.2008). (In Russian)
9. *Noveishii filosofskii slovar'* [The Newest Philosophical Dictionary]. Ed. by A.A. Gritsanov. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1998. 896 p. (In Russian)
10. Aristotle. *Fizika* [Physics]. Available at: http://lib.ru/POEEAST/ARISTOTEL/physic.txt_with-big-pictures.html (accessed: 26.02.2017). (In Russian)
11. Aristotle. *Poetika. Ritorika* [Poetics. Rhetoric]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 348 p. (In Russian)
12. Law J. Ob'ekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2006, vol. 5, no. 1, pp. 30–42. (In Russian)
13. Law J. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naja nauka* [After Method: Mess in Social Science Research]. Moscow, Gaidar Institute Press, 2015. 352 p. (In Russian)

Author's information:

Shentseva Elena A. — PhD; metaphysica7@yandex.ru